

СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НАЧАЛО XX СТОЛЕТИЯ)

Аннотация. Женские монастыри Западной части Российской империи в начале XX в. были выдающимся феноменом, ярким самобытным явлением церковной монастырской жизни, образцом русского православия, оказавшим колоссальное влияние на всю жизнь региона. В статье впервые на новом, большей частью архивном материале рассматривается это явление в своей цельности и специфике, заключающейся в социальном служении монахинь. Это служение подразумевало создание в женских монастырях разного уровня школ, приютов, богаделен, больниц, хозяйственных пунктов экономической помощи местному населению. Само обучение детей имело образовательную и воспитательную направленность, давало им возможность приобщаться к культурной жизни. Монастыри стали центрами православия в обширном и сложном (этнически и конфессионально) регионе, выполняя миссию русского православия и русской культуры.

Ключевые слова: женское православное монашество, западные границы Российской империи, социальное служение, школьное дело, приюты, богадельни, больницы, русское православие, русская культура, хозяйствование.

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Ссылка при цитировании: Кириченко О. В. Социальный опыт женских монастырей Западного региона Российской империи (начало XX столетия) // Традиции и современность. 2022. № 30. С. 18–42.

Кириченко Олег Викторович (Kirichenko Oleg Viktorovich) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН,
kirichenko.oleg.1961@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0730-7075>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2022. № 30. С. 18–42

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>
УДК – 271; 930.85; 929; 008; 364.3; 376; ББК – 60.93; 63.3(253);
<https://doi.org/10.33876/2687-119X/2022-30/18-42>

У женских монастырей Западного региона было свое неповторимое лицо, связанное со спецификой этого региона, граничащего с миром многоэтническим и многоконфессиональным. Миссионерские задачи Русской Православной Церкви, как и укоренившиеся традиции русской жизнедеятельности, подразумевали здесь не только существование крупных монастырских обителей типа Киево-Печерской и Почаевской лавр с их народными формами церковного благочестия, но и активную церковно-социальную деятельность, иницируемую монастырями. Нигде больше так яростно и бескомпромиссно не сталкивались друг с другом разные славянские миры, разделенные религией и теми новыми этническими особенностями, которые сложились у одних на основе западной католической культуры и мировоззрения, у других – на основе византийской и русской православной традиции. Там, где сходились государственные, сугубо церковные или даже этнические интересы, возникали непримиримая борьба и противодействие. Но жизнь в мире была возможна и здесь, и не только под эгидой закона и поддерживающей его армии, но, как показывает опыт устройства женских монастырей с конца 1880-х годов, и под эгидой «благодати», дел милосердия, широкой социальной и благотворительной деятельности.

Именно благодаря крупным монастырям могла существовать главная форма динамичной миссионерской деятельности – православные братства. Уже из самого названия – «братства» – становится ясно, что это были в основе своей мужские объединения, целью которых была в том числе и физическая защита православия от католической и униатской агрессии. Но господство модерна в Европе, в том числе и в России, сопровождалось созданием устойчивых крупных политических объединений – империй, где задачи миссии значительно расширились, а задачи физической защиты веры и Церкви становились уделом государства. В этих условиях начинает возрастать значение женского церковного фактора. Причем новое значение женщины – прежде всего образовательное и социально-попечительное – ощущают как с одной (католической, униатской), так и с другой (русской, православной) стороны. У поляков, например, в русско-польском этническом пограничье появляются так называемые *терциарки* – женщины, дававшие обет не выходить замуж, но при этом воспитывать детей под руководством ксендзов. Они создавали народные польские школы, нередко неофициальные, где детей воспитывали в националистическом духе, с установкой ненависти ко всему русскому. Среди униатов появились *общества рожанцев*, имевшие близкие к вышеуказанным цели: создавать препят-

ствия для общения с Русской Православной Церковью и верой, игнорировать все русское. Это были тайные кружки, состоявшие из полутора десятка женщин, дававших обет бороться с православием и вести пропаганду среди близких и односельчан. Белорусские или украинские женщины собирались вместе в праздничные и воскресные дни, молились на польском языке и обсуждали свои дальнейшие планы (Всеподданейший отчет 1905: 106).

На русской, православной стороне также ощущалась потребность в широком привлечении женщин к делу духовной, церковной миссии, однако с другими акцентами и целями. Во-первых, как это ни странно, учитывая, что агрессия шла именно с западной стороны, а не наоборот, православная сторона тем не менее не выстраивала свою программу идеологически и не подключала сюда политическую мотивацию. Если движение тех же терциарок было плодом активности польского духовенства – ксендзов, то женское православное общинное движение в Западном регионе шло снизу, от лица самих женщин, и целью своей имело или личное спасение участниц, или оказание помощи нуждающимся через дела милосердия. Во-вторых, это движение, как мы рассмотрим подробнее ниже, включало в себя оказание помощи всем слоям населения в данном регионе, без религиозного и национального различия, и никаких политических целей перед собой не ставило.

То церковное многосоставное движение, которое было иницировано Леснинским женским монастырем – просветительское, миссионерское, благотворительное и одновременно духовно-аскетическое, жертвенное, – стало новым словом не только Русской Православной Церкви, но и новым взглядом церковной интеллигенции в России на политические проблемы, самой острой из которых была проблема «западного российского пограничья» – цивилизационной инкорпорации населения этого региона в имперскую жизнь страны. Политические решения, в какие бы формы они ни облекались – либеральные, как это было в эпоху Александра I, или консервативные, охранительные – при Николае I, не решали поставленной задачи. Не справился с этим и светский социальный проект Александра II, в основе которого лежала задача оказания помощи этому региону в образовательной и культурной сферах. Его славянофильский характер, как нам кажется, хотя и решал часть накопившихся задач: выделял русскую народность в качестве главного субъекта защиты на западном пограничье и связывал политические задачи в одно целое с экономическими и отчасти культурными, региональными, но не решал главного – просвещения в духе православия русского (как и белорусского и малороссийского) населения,

освобожденного в 1839 г. от уз унии (*Пытин* 2005: 163).

Эту задачу смогла решить только Церковь, но не через приходскую церковную жизнь, а опираясь на женские монастыри, ставшие цивилизационными очагами для всего края. Это произошло потому, что в основу этой деятельности был положен духовный подвиг, монашеский по содержанию, в котором строго аскетическое и подвижническое начало сопрягалось с делами милосердия и просвещения. Появление на Холмщине женского Леснинского монастыря стало и первым масштабным примером женского монашеского миссионерства, и образцом для нескольких подобного рода обителей в Западном крае.

Главным элементом в таких монастырях были монастырские школы для детей разного возраста. И хотя задолго до Леснинского монастыря школы уже начали образовываться при отдельных женских монастырях Западного края, но и масштабы этой деятельности были незначительными, и сама задача виделась более узко. Например, образцовыми считались в 1860-е годы школы и училища: в Мариинском монастыре г. Вильно, где был приют на сорок воспитанниц, дочерей представителей духовного ведомства и бедных чиновников Северо-Западного края (*Всепопданейший отчет* 1886: 249). В Минском Преображенском монастыре имелся в эти годы приют на девять штатных девочек; в Буйницком монастыре Могилевской епархии – епархиальное училище для девиц духовного звания под покровительством государыни императрицы (средства на содержание оно получало от казны, плюс от монастыря 200 руб. годовых). В Барколабовском Свято-Вознесенском монастыре Могилевской епархии существовала школа на 17-20 девочек; в Успенском Оршанском Могилевской епархии – школа на 17-20 девочек; в Мазаловском Успенском монастыре Могилевской епархии – школа для мальчиков и девочек на 40 человек; в Тихвинском общежительном монастыре Екатеринославской епархии в 1877 г. было открыто женское училище для детей-сирот всех сословий. Обучение для сирот бесплатное, а для имеющих родителей – 90 руб. в год. Епархия выдавала монастырю ежегодно 1 тыс. руб.; в Нежинском Введенском монастыре Черниговской епархии имела школа на 12 девочек; в Гамалеевском Рождества Богородицы монастыре Черниговской епархии – школа на 15 девочек; в Винницком Браиловском монастыре Подольской епархии училище при монастыре существовало с 1868 г.; открыто попечением архиепископа Холмско-Варшавского Леонтия, обучалось 28 девочек духовного звания на средства монастыря. Монастырь получал 150 руб. в год от епархиального попечительства и 120 руб. сборных (по епархии)

средств на нужды монастырских школ. В Немировском монастыре Подольской епархии училище было открыто в 1860 г.; воспитывались 23 девочки из духовного и других сословий. Содержалось оно на средства монастыря, который в свою очередь получал помощь от епархиального попечительства (100 руб. в год) и окружных попечительств (300 руб. в год). В Кишиневской епархии в женских монастырях – Речульском, Варзарештском, Таборском, Хировском, Кошелевском – имелись в эти годы школы, где преподавали учительницы, закончившие Кишиневское епархиальное училище. Принимались в школы дети-сироты духовного звания на полный пансион и бесплатное обучение (*Всепопданейший отчет* 1886: 249–251).

Как видим, школы эти были малочисленными, не системными, не связанными с крупными территориальными проектами. Стоит вспомнить, что именно по инициативе Могилевского губернатора, озвученной в 1866 г., в Могилевской епархии стали создаваться в обязательном порядке при всех женских монастырях учебные заведения для девочек, преимущественно духовного звания (*Касательно учреждений* 1870: 115–117). Должно было пройти два десятилетия, чтобы ситуация после проведения в жизнь этой инициативы стала более ясной. Подобный опыт имелся и в центральной России. Но в Западном регионе нужен был особый проект, который сочетал бы «качественный подход» к делу разворачивания структур образования при женских монастырях (западный опыт) с широкими миссионерскими задачами – духовной опеки всей территориальной округи (что было характерно для русских монастырей центральной России). Нужен был особый человек для решения этой задачи. Из этого посылы и родился феномен Леснинского монастыря.

Леснинский Рождества Богородицы монастырь Холмской епархии¹

Судя по предыстории его возникновения, он мог вообще не появиться здесь, поскольку поначалу обстоятельства складывались в пользу рождения его на Тверской земле. Именно там, в имении известного педагога С. А. Рачинского, пребывала до отъезда в Лесну графиня Е. Б. Ефимовская, и там, в согласовании с Сергеем Александровичем, она предполагала основать новую обитель, служащую не только местом монашеского уединения, но и духовного просвещения для большого числа девочек, собираемых туда для воспитания и образования (*Н. К.* 1926: 166–171). Графиня «обучалась дома и выдержала экзамен на звание домашней учительницы. До пострига имела должности классной дамы в Московском Николаевском институте, старшей надзирательницы в отделении Полтавско-

го женского духовного училища при Велико-Будицком женском монастыре и заведовала приютом для бедных детей в Санкт-Петербурге» (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1024. Л. 3 об.). В анкете не упоминаются важные подробности времени получения образования и другие – неофициальные – места служения. Экзамен графиня сдавала в Московском университете по специальности «русский язык и русская литература». Кроме указанных мест служения, трудилась педагогом в имении С. А. Рачинского Татеево, а также в приюте, открытом в Москве А. Ф. Аксаковой (Н. К. 1926: 167–168).

Графиня Е. Б. Ефимовская с матерью

Тем не менее мы не находим ни в одном из известных источников описания обстоятельств, предшествующих решению графини Ефимовской уехать из имения Рачинского для основания женской обители. Митрополит Евлогий приводит лишь чрезвычайно ценное свидетельство о посещении графиней старца Амвросия Оптинского, который и ставит точку в этом вопросе. Но образ нового монастыря, который она подробно описала старцу, – «широкая просветительская работа, культурное воздействие на население – школы, больницы, приюты» (Митрополит Евлогий (Георгиевский) 1994: 104) – сформировался под непосредственным влиянием пе-

дагога Рачинского. Более того, сам С. А. Рачинский имел намерение создать в своем имении образцовый женский монастырь для воспитания и образования крестьянских девочек. В письме к профессору Николаю Ивановичу Субботину от 4 декабря 1884 г. Сергей Александрович сообщает следующее: «На избранном мною стратегическом пункте, вблизи от Татеева, надеюсь устроить обитель (женскую), во главе коей станет графиня Ефимовская, уже набравшая себе много образованных сподвижниц. Она непременно желает основать обитель поблизости от Татеева и придать ей характер деятельный, преимущественно по части учебной. Слабая часть моего школьного дела – образование девочек, а ихто преимущественно надлежит утвердить в церковности, – их, будущих жен и матерей: в расколе женщина – великая сила. Еще беда – наши зараженные расколом приходы до сих пор служат, как малоходные, местом ссылки для священников порочных или небрежных, и этот прием служит прямым поощрением расколу... С горем предвижу, что состояние моего здоровья не позволит мне устроить то же нынешнюю зиму. Один в поле не воин. Нужен, нужен мне монастырь...» (Марков 1914: 386–387). Ясно, что данный вопрос имел конфиденциальный характер, ни сам С. А. Рачинский, ни графиня Ефимовская о нем до поры не распространялись. А далее было обращение за советом к старцу Оптинскому Амвросию, который, думаем, совершенно неожиданно для графини указал ей другой регион для приложения ее сил. Именно он, судя по всему, посоветовал обратиться в Москве к архиепископу Варшавскому Леонтию (Лебединскому), который и возьмет графиню под свое покровительство. В это время у владыки Леонтия появилась мысль создать в с. Лесне женский монастырь, и он с этой целью обратился в Синод, откуда получил уведомление о поддержке этого намерения (Страткевич 1900: 16). То, что графиня, а потом игуменья Екатерина не рассказала позже митрополиту Евлогию о желании С. А. Рачинского иметь в своем имении монастырь и о своих прежних планах, вполне объяснимо. Ей не хотелось бросить тень на имя Рачинского, у которого не была реализована его мечта. Тем не менее она приехала в с. Лесну во многом с тем багажом, который она накопила в Татеево. В декабре 1885 г., то есть ровно через год после написания вышеприведенного письма С. А. Рачинского, графиня Евгения Борисовна Ефимовская «приехала в с. Лесну Холмской Руси с тремя послушницами и двумя девочками» (Н. К. 1926: 168)².

Еще до своего отъезда графиня Е. Б. Ефимовская пишет и публикует в журнале И. С. Аксакова «Русь» (№ 11 за 1884 г.) статью «Несколько слов о монастырях по поводу народного образования», где

Село Лесна Седлецкой губ.

излагает свою позицию относительно необходимости широкого привлечения монастырей к делу духовного просвещения простого народа. Также, по мысли графини Ефимовской, «новый монастырь» мог бы послужить просветительским центром для молодых интеллигентных сил, крайне нуждающихся в духовно-религиозном знании. Такая молодежь могла бы нести простому народу знания, не отвращающие его от веры, а укрепляющие ее в народе. Потом уже, спустя более 20 лет, игуменья Екатерина опять возвратится к этой мысли, как проблеме практического воплощения, и сделает вывод о необходимости не только «новых идей», но и создания новых монастырей, без которых эти идеи не могут быть реализованы³.

Вообще, в связи с деятельностью Е. Б. Ефимовской и целой плеяды русских женщин, нельзя не выделить женской специфики русского славянофильства. Интеллигентское «служение народу», но служение с духовно-религиозной спецификой, отличало и супругу А. С. Хомякова, причастную к появлению женской общины на Северном Кавказе, потом ставшей монастырем. Жена И. С. Аксакова А. Ф. Аксакова (Тютчева по отцу) устроила в Москве приют для детей-сирот. Под воздействием славянофильских идей А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, И. С. Аксакова, находясь в дружеских отношениях с супругой И. С. Аксакова, графиня Е. Б. Ефимовская восприняла дело служения народу именно как сокровенное, религиозно мотивированное дело. В разговоре с владыкой Евлогием она упоминала, что само ее монашество имело славянофильскую специфику: «Я стала монахиней скорей из любви к народу, чем к Богу» (*Митрополит Евлогий (Георгиевский)* 1994: 104). Ради молитвенного воспоминания о родных ее сердцу славянофи-

лах игуменья Екатерина поместила в алтаре Воздвиженского собора Леснинского монастыря иконы святых, тезоименитых А. С. Хомякову, И. В. Киреевскому и И. С. Аксакову (*Н. К.* 1926: 167). Вклад тезоименитой иконы в храм в память усопшего – древняя традиция Русской Православной Церкви.

Еще до ухода в монашество она пишет труд «О диакониссах» – женщинах, которые на церковном поприще призваны нести бремя просвещения. И хотя труд не сохранился, но сохранились отдельные мысли и его теоретические положения, потому что автор, уже будучи монахиней, возвращалась к этой идее, отстаивала ее. Так, революция 1905 г.

Монахиня Екатерина (Ефимовская) вскоре после пострига

в очередной раз подтолкнула игуменью Екатерину (Ефимовскую) официально озвучить свое мнение по этому поводу. В Синод ею была направлена докладная записка «об основании при монастыре общины диаконисс для борьбы за укрепление пошатнувшегося авторитета Церкви». Она пишет, что сегодня все силы в России призваны «к суду истории», в том числе и Русская Церковь. «Осуждая многое. Порицая в особенности косность и бездеятельность клира, лучшие, не утратившие веру люди призывают духовенство к новой усиленной просветительской деятельности, дабы не восторжествовали над ним враждебные Церкви социальные элементы. Нужна работа миссионерская, усиленная, горячая, стойкая, терпеливая и не только в среде темного простого народа» (РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 340. Л. 1). Как созвучны эти слова позиции С. А. Рачинского, который ратовал за то, чтобы в России воспитывалась новая когорта сельского духовенства, умного, образованного, трезвенного, благочестивого, способного руководить низшим народным образованием, давать народной школе подлинную церковную основу. Именно эти качества духовенства позволят ему решить и другую – кроме народного просвещения – задачу привлечения православных «интеллигентских сил», чтобы они, просвещенные духовным светом Церкви, повели народ в правильном направлении. И здесь важна роль диаконисс. «Обширный опыт доказал, что женщина-миссионер лучше умеет вызвать к себе доверие народа и легче сблизается с ним, входя по свойственному ей чувству материнства в мелочи жизни, в скорби и нужды простого народа. К женщинам охотнее и доверчивее идут за медицинской помощью. Уменьше привлечь к себе матерей дает ей возможность влиять на воспитание детей с самого раннего возраста и давать этому воспитанию религиозно-нравственное направление. И, наконец, женщины большей частью ограничены в своих материальных требованиях и между ними чаще встречаешь стремление к самоотверженной деятельности, жажду подвига и томительное желание беззаветно отдать себя на служение ближним». Игуменья отмечает, что современное общество ценит крупные коллективные формы служения. По этой причине у сестер милосердия не всегда получается высоко держать планку милосердного служения, вмешивается эгоизм и земная корысть. Монастырь мог бы быть идеальной формой для милосердного коллективного служения, но о нем в обществе сложилось превратное мнение, как о месте, где собираются люди, заботящиеся о спасении только своей души. Поэтому образованные, интеллигентные женщины, ищущие общего, коллективного поприща служения, не идут в монастырь. В результате монастыри заполняют-

ся «совершенно необразованными девушками из народа», которым нередко не чужда материальная сторона и даже корысть. В результате, даже если интеллигентные девушки и попадают в такие обители, они не могут себя реализовать, «они потеряны для дела просвещения и никакого воздействия на мир не имеют». Игуменья Екатерина с горечью констатирует, что даже в ее монастыре, где специально собираются образованные монахини, их не хватает на все ключевые послушания (школы, аптеки, лечебницы, амбулатории). В других обителях выходят из положения, приглашая за плату мирских учителей. Но это – не выход из положения. Далее игуменья спорит с преосвященным Никоном (Рождественским), который требует не называть монастыри, подобные Леснинскому, монастырями, поскольку цели у этих обителей мирские. Она пишет, что владыка прислал ей письмо в ответ на статью игуменьи в «Церковном вестнике», где предлагает отказаться от права называться монастырем Леснинской обители, а считаться сообществом диаконисс. Игуменья тщательно обдумала это предложение, дополнительно изучила историю диаконисс и пришла к выводу, что было бы полезным ввести это начинание в жизнь. В докладной записке игуменья подробно излагает историю диаконисского церковного движения. Ею делается упор на осведомленности диаконисс в богословии, для чего в Леснинском монастыре предполагается создание училища Богословия для диаконисс. Устав и программа училища, как пишет игуменья, уже отправлены в Синод. И, наконец, обращение к Синоду от лица игуменьи Екатерины: «Я ходатайствую перед Святейшим Синодом об основании при Леснинской обители Общины диаконисс, с присущими этому званию правами и обязанностями, согласно, возможно, древнейшему чину, дабы важностию возложенного на них служения и строгости обетов диакониссы находились бы на высоте той просветительской миссии, которую им надлежит исполнить и которая так необходима в наше время всеобщего шатания» (РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 340. Л. 8 об.).

Надо полагать, что ответ игуменьи Екатерине из Синода был дан отрицательный (к сожалению, мы не знаем, какой точно), потому что в монастыре так и не появилось училище для диаконисс, сама же настоятельница была уволена от должности (по ее просьбе, как сказано в мемуарных источниках, в официальном же документе этих слов нет) 26 мая 1907 г. и, вполне возможно, в связи с невозможностью реализовать свою сокровенную идею (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1024. Л. 37). За бывшей игуменьей было оставлено заведование Леснинской женской церковно-учительской школой, а с апреля 1908 г. – еще и всеми церковными школами монастыря (РГИА.

Ф. 796. Оп. 440. Д. 1024. Л. 111). В связи с уходом с настоятельской должности игуменьи Екатерина удостоилась императорского рескрипта, в котором были обозначены ее заслуги перед Церковью и государством. Редчайший случай для женского настоятельства той поры! В документе отмечено, что начало общинной жизни в Леснинской обители было положено только «в уповании на Бога», поскольку средств не было, помощников было немного, окружающая обстановка была неблагоприятной. И только после неустанных трудов община получила вместе с благословением Божиим всё то, что имеет: школы, приюты, больницы и т. д. И далее – слова о вкладе в «общее дело»: «Все они (новые женские обители в Западном крае. – О. К.), будучи проникнуты общим единодушным настроением, делают в крае истинно-христианское православно-русское дело, служа твердым оплотом к укреплению веры и русского народного самосознания». Далее государь отмечает, что игуменья дано утешение видеть при жизни плоды своих трудов. В рескрипте отмечено искреннее сожаление по поводу оставления игуменьей настоятельства и подчеркивается: «я надеюсь, что вы как основательница порядков и всего строя жизни созданных вами учреждений, и удаляясь на покой, не оставите их своим благочестиво мудрым руководством и, пребывая с ними в духовном общении, не перестанете содействовать поддержанию этого высокого духовного единства и преданности достижению поставленных задач, которыми воодушевлены идущие вслед вам боголюбивые сотрудницы в их многополезном и достохвальном

Вид на церковно-учительскую школу

служении. 12 октября 1907 г. С.-Петербург» (Свято-Богородицкий Леснинский монастырь 1973: 25). Конечно, к моменту прекращения настоятельских

полномочий игуменьей Екатериной очень многое было уже сделано. Создана вся необходимая инфраструктура для широкой социальной деятельности (приюты, школы для разных возрастов, сельскохозяйственное училище, ботанический сад с лабораторией), и самое главное – завоевано народное доверие на Холмщине, свидетельством чему были монастырские праздники, сопровождавшиеся «тысячными крестными ходами, каждый со своим церковным причтом, с иконами, с хоругвями, с пением духовных стихов по “Богогласникам”... Случалось, собиралось до 25 000 народу» (Митрополит Евлогий (Георгиевский) 1994: 109). Но праздник лишь подчеркивал сложившуюся близость между монастырем и народом, сама же трудовая деятельность монастыря, его трудовые будни представляли собой систему, тщательно продуманную и базирующуюся на монастырской дисциплинарной основе. «В женских монастырях Холмщины установилась внутренняя дисциплина: каждая монахиня сознательно относилась к своему долгу, понимая всю серьезность своего призвания». Автор этих слов замечает, что так, в едином духе, действовали все холмские монастыри, что делает этот феномен именно соборным, в церковном его понимании. «Монастыри были обвьяны одним духом, связаны единством духовно-просветительных методов монашеского труда...» (Митрополит Евлогий (Георгиевский) 1994: 108).

Если взглянуть на содержательную сторону этой деятельности, то становится очевидным ее сходство с деятельностью няньки для ребенка. Она делает для ребенка всё: кормит и поит, одевает, моет, следит, чтобы он не пострадал, входит во все его жизненные нужды. При этом монахини словно возвращали народу потерянное им (вольно или невольно) богатство человеческих и христианских отношений. Решали при этом и важные материальные проблемы для тех, кто попал в сложную жизненную ситуацию, но в целом – «поднимали» народ из некоей ямы, возвращали ему полноценные качества христианского народа. Владыка Евлогий как-то заметил, что люди здесь словно сбросили с себя хмурую молчаливость, стали более жизнерадостными, певучими, живыми. «Матушка Екатерина входила в его (народа. – О. К.) нужды, запросы, даже семейные дела. Любила женить и выдавать замуж, шила приданое, заботилась о молодых матерях» (Митрополит Евлогий (Георгиевский) 1994: 106). Не случайно сюда захотел приехать сам государь император вместе

Хор монастырских певчих с игуменьей Екатериной и учительницей пения инокиней Анатолией

со своим семейством. Приехали на тройках. «Они прослушали Божественную Литургию, подробно осмотрели все монастырские учреждения; скромно, по-монастырски, позавтракали. Непринужденная беседа продолжалась несколько часов. Несомненно, картина монастырской жизни в ее разнообразных проявлениях оставила глубокое и светлое впечатление у Высоких гостей. Могу судить об этом по тому, что гораздо позднее, когда по званию члена Государственной думы я со своими думскими коллегами представлялся Государю и Императрице, она, здороваясь со мной, сказала: “Вы помните наше посещение Леснинского монастыря? Не правда ли, какой там чудный детский мир”» (Митрополит Евлогий (Георгиевский) 1994: 106). Государыней императрицей отмечено самое главное – плоды монастырского воспитания детей, которых обучалось там до тысячи человек. «Весь народ холмский проходил через ее (матушки Екатерины. – О. К.) приюты и школы, вся сельская интеллигенция: учителя, учительницы и волостные писаря, агрономы, псаломщики... – в большинстве были ее воспитанниками» (Митрополит Евлогий (Георгиевский) 1994: 105).

Особое место в поддержании в монастыре духа самоотверженного, жертвенного служения ближ-

ним занимает святой праведный Иоанн Кронштадтский, который, как и преподобный Амвросий Оптинский, был подлинным отцом и благодетелем для сестер. Как отмечалось в монастырской летописи, посещение о. Иоанном в 1899 г. обители «явилось толчком для их миссионерской работы среди местного населения...» (Митрополит Евлогий (Георгиевский) 1994: 26). Сам приезд в этот монастырь известного всей России молитвенника и чудотворца вызвал в регионе народное движение, и сюда потянулись люди со всей Холмщины; везли больных, шли просто благословиться и помолиться, взглянуть на духовного подвижника. Промыслом Божиим он задержался в дороге на несколько дней, и игуменье все это время пришлось кормить и организовывать тысячи людей. Приехавший

о. Иоанн в личном разговоре с игуменьей сказал ей: «Екатерина, Екатеринушка, со временем у тебя процветет Лавра! Лесна будет подобно улью, из которого вылетят рои». С монастырем о. Иоанн поддерживал постоянную связь через письма (к самой игуменье и к некоторым сестрам). Не раз присылал

Леснинские воспитанницы идут в церковь вместе с инокиней Дорофеей

денежные вспоможения от себя и от своих духовных чад. В самые тяжелые годы военного и революционного лихолетья, когда Леснинский монастырь

был эвакуирован (со всеми сестрами и детьми) в глубь России, большая часть монахинь попала в Петербургский Иоанновский монастырь и получила там сердечный приют. Сам о. Иоанн называл Лесну своей питомицей: «Она – моя питомица была и есть; я всегда ей помогал» (*Митрополит Евлогий (Георгиевский)* 1994: 29).

В основу духовного устроения монастыря были положены подвижнические принципы: 1) монашеский аскетизм: молитва, пост и послушание настоятельнице; 2) жертвенное служение ближним. Каждая сестра участвовала в ежедневном богослужении и общих монастырских молитвах. По заповеди старца Амвросия Оптинского, данной игуменье Екатерине, у сестер было и келейное правило, с обязательным чтением определенного круга молитв. Аскетизм сестер монастыря вырастал из глубоко церковного понимания своих задач: труд – воспитательный и хозяйственный – осознавался как служение Самому Христу, с радостью, истовостью и огромным желанием отдать все свои силы на этом поприще. Не так много свидетельств об источниках «радостного совершения трудов» сестер, но сама ориентация на радость, на пасхальность заставляет нас видеть в этом влияние преподобного Серафима Саровского. Среди святых монастыря были и четки преподобного Серафима, попавшие сюда, очевидно, через игуменью Екатерину. Игуменья Радочницкого монастыря Афанасия (Громеко), воспитывавшаяся в первые годы своего монашеского служения в Леснинском монастыре, особо старалась поддерживать этот «серафимов дух» в своей обители. «Если среди сестер выходили крупные недоразумения или еще что-либо нежелательное, недопустимое, игуменья начинала читать акафист прп. Серафиму либо посылала провинившихся к какому-либо чтимому старцу» (*Монахиня Елена (Добровольская)* 2005: 27). Посетивший в начале XX в. Леснинский монастырь фотограф М. Ф. Богданов отметил именно эту сторону жизни обители: «Будучи в монастыре, я был особенно тронут, до глубины души умилился, видя это радостное трудовое настроение почтенных насельниц, которые при всех своих громадных трудах и лишениях так светло и радостно на все смотрят, так ласково встречают вас, стараются во всем вам услужить. Пробыв с ними некоторое время, как-то бодрее, светлее на все смотришь; каким-то теплом веет от них; как-то чувствуешь, что

тебя тут поймут, разделят с тобою все скорби и недоумения, ободрят и облакают. А отсюда понятно, почему монастырь приобрел расположение окрестных жителей: ведь ничто не привлекает так сердца людей, как любовь» (Памятка 1904: 5). Во всем у сестер должно было проявляться единение и любовь: в богослуженной молитве и в повседневном труде. Даже хозяйственный, полевой труд не исключал такого момента единения. Уборка ржи обязательно проходила сообща, вместе с игуменье. Вечером на поле приходили и дети поддержать сестер обители духовными песнопениями. «Возвращались с пением псалмов ночью... сильное впечатление производило это шествие в июльской ночи» (*Страткевич* 1900: 39).

Образцом подвижничества была сама настоятельница, хорошо знавшая аскетическую литературу, руководствовавшаяся советами старцев, ведущая большую переписку с ними, отличавшаяся строгим постничеством и молитвенностью, «которую духовный отец должен был удерживать от слишком тяжелых подвигов» (Свято-Богородицкий Леснинский монастырь 1973: 19). В монастыре было строгое отношение к послушанию, благоговейное совершение богослужения, хороший сестринский хор. Всё это в совокупности и создавало атмосферу «строгой подвижнической жизни» и при этом – щедрой и жертвенной самоотдачи воспитанникам монастыря и всем, кто его посещал и нуждался в его помощи. Образом веры насельниц и вручения судьбы обители в Божьи руки было и отсутствие здесь привычных для русского монастыря высоких стен. Игуменья говорила: «Христос наша ограда».

Общий вид Леснинского монастыря при въезде в с. Лесна со стороны г. Бель

Разумно и оригинально (специально для большого числа богомольцев) был устроен Воскресенский (кладбищенский) храм. Небольшого размера храм был алтарем, который окружала галерея для многочисленных певчих и для выхода из предалтарного пространства причащающихся. На площадке перед церковью под открытым небом могло разместиться до четырех тысяч человек. Две тысячи из них могли свободно, без давки причащаться, уходя на записку через боковые двери галерей.

Вообще в монастыре к 1914 г. имелось четыре каменных и три деревянных храма (из них два – домовых), три каменные часовни (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1024. Л. 60). Главным, соборным храмом обители был Воздвиженский, четырехпрестольный, с приделами преподобных Сергия Радонежского и Леонтия Ростовского, а также святого Афанасия, игумена Брестского; второй храм – Троицкий (построен в 1878 г. из часовни католиками-монахами над местом, где была явлена чудотворная икона «Леснинская»). Третий храм – крестовая архиерейская церковь, освященная 16 ноября 1903 г. во имя трех Виленских мучеников: Антония, Иоанна и Евстафия, «с замечательным художественным иконостасом на матовых стеклах, работы священника обители о. Иоанна Смирнова». Четвертый – трапезный – храм во имя святых мучениц Софии и дочерей ее Веры, Надежды, Любви, освященный 18 ноября 1903 г. Пятый – Введенский храм, шестой – Воскресенский, кладбищенский; седьмой – школьный приютский во имя святых Кирилла и Мефодия, просветителей славянских (*Страткевич* 1900: 33; *Памятка* 1904: 3).

Церковь Воскресения Христова на монастырском погосте Леснинского монастыря

Главный престол соборного храма Воздвижения в Леснинском монастыре

С самого начала существования Леснинский монастырь пользовался особой благосклонностью Святейшего Синода, а точнее его обер-прокурора К. П. Победоносцева, который, судя по всему, через С. А. Рачинского или как-то иначе знал о большом духовном потенциале графини Е. Б. Ефимовской. И Синод, и императора устраивало появление на Холмщине такого монастырского центра, поэтому оказывалась помощь и в храмостроительстве, и в создании и поддержании школ и приютов. Новые западные монастыри опекались и материально обеспечивались особо, как не обеспечивались никакие другие женские монастыри в империи. Но все это началось не сразу. Поначалу и суммы из казны были умеренные, как для обычных монастырей, и Синод еще не участвовал в помощи, а самой настоятельнице приходилось собирать пожертвования по крупницам, в основном у московского купечества

(Н. К. 1926: 169). Обычные ассигнования из казны колебались в пределах от 105 руб. в год до 5585 руб. Вначале Леснинская обитель получала 2340 руб. в год. После 1900 г. западные монастыри стали получать от казны увеличенные суммы. Возможно, на это повлияло посещение обители в 1900 г. государем императором и его высокая оценка увиденного. Леснинский стал получать в год 22 340 руб. (данные на 1913 г.); Красностоцкий – 30 000 руб.; Радочницкий – 16 000 руб.; Вировский – 18 765 руб.; Рижский Свято-Троицкий – 11 950 руб. (Всподданейший отчет 1915: 106). Кроме того, лично от императора – «из кабинета Его Императорского Величества» – выделялось ежегодно 3000 руб. Помогала монастырю и императрица Александра Федоровна, и вдовствующая императрица Мария Федоровна.

На льготной основе монастырь получил достаточно большие (для Западного края) земляные угодья: 521 десятину 940 квадратов пахотной земли, 172 десятины сенокосной и 78 десятин леса (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1024. Л. 90). Но нередко случалось так, что и этих денег не хватало и настоятельница ехала в Петербург, к обер-прокурору, и, как пишет владыка Евлогий, оттуда «редко возвращались с пустыми руками». Монастырь курировали и помогали ему материально три министерства: духовное синодальное ведомство, Министерство народного просвещения и Министерство земледелия. Государство оплачивало труды учительского персонала, а все остальное оплачивал сам монастырь. При этом за уход, кормление, обучение монастырь не брал ничего. Дети воспитывались бесплатно. В обители жили только младенцы-сироты, потом их переводили в монастырский приют в двух верстах от обители. Не только Леснинский, но и другие западные монастыри, живущие тем же ритмом жизни, тратили гораздо больше средств, чем получали. Реальных трат в год было около 100 000 руб. Кроме указанных источников, крупные суммы эти обители получали еще от земства, поскольку их деятельность соответствовала «общественно-полезной», просветительской (Красностоцкий женский монастырь 1911: 54). И действительно, хотя монастыри были

православными, но они широко смотрели на свои задачи, помогая всем нуждающимся, независимо от национальности и веры. Недружелюбное отношение они встречали лишь со стороны католических ксендзов, богатых поляков и богатого еврейства (Красностоцкий женский монастырь 1911: 53). Главным мотивом образования Леснинской общины в 1884 г., как было обозначено в обращении епархиального архиерея, а потом в указе Святейшего Синода, являлось: «противодействие латино-польской пропаганде между воссоединенным из унии местным населением и для укрепления в его среде православия и русской народности». Леснинская церковь была освящена в качестве православной 31 мая 1881 г. преосвященным Леонтием и сразу стала местом активного паломничества со

Питомцы Радочницкого монастыря

Малолетние воспитанницы Леснинского монастыря

стороны православного населения Холмщины (Всепопданейший отчет 1886: 254).

Леснинский монастырь был не только материнским лоном для остальных монастырей этого региона, но именно здесь появился тот образцовый монастырь, с его многообразными школьными и приютскими формами, который и существовал ради воспитания в своих стенах детей. Ядром являлась большая группа *монастырских воспитанниц*. Число их колебалось в пределах нескольких сотен: в 1908 г. – 395; в 1910 г. – 404; в 1912 г. – 371 (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1024. Л. 90, 121). Они обучались в школах разного уровня. Среди этих детей было немало сирот и детей, специально отданных сюда на воспитание. Но кроме воспитанниц, монастырскую школу посещали дети местных

Выпускницы церковно-учительной школы с настоятельницей игуменьей Екатериной, казначеей Ниной и педагогами

жителей. Их было немного: в 1908 г. – 18 мальчиков и девочек, в 1910 г. – 25. Кроме того, в монастыре жили обитатели богадельни (31 человек) и приюта (до 100 человек). Важной составляющей была монастырская больница (на 25 кроватей), которую в год посещало до двадцати тысяч сельчан Холмщины. Не оставлял монастырь и странников, нищих – всех требующих милосердного участия (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1024. Л. 60).

Кратко остановимся на организации школьного дела, главного для монастыря, как считала его строительница и первая игуменья Екатерина. Оно тоже было плодом тщательно продуманной системы, в основе которой, однако, лежал не математический расчет, а те же принципы жертвенно-христианского и строго профессионального служения сестер обители, которые тщательно собирались или же воспитывались игуменьей. В этой системе не было сделано

только одного, о чем мечтала игуменья Екатерина, – училища диаконисс. Итак, в Лесне действовала замкнутая система школьного обучения и воспитания: 1) школа грамоты с трехлетним курсом; 2) двухклассная школа с пятью отделениями; 3) второклассная, трехлетняя; 4) церковно-учительная, тоже трехлетняя. Три года грамоты соответствовали первым трем годам двухклассной школы. Пройдя курс трехклассной школы, одни ученицы продолжали учиться дальше в двух старших отделениях двухклассной школы; другие (лучшие) – поступали во второклассную школу. Последняя выпускала учительниц школьной грамоты. Таким образом, церковно-учительная школа завершала девятилетний курс обучения с гимназической программой и выпускала учительниц для церковно-приходских школ всей Холмщины. Те из

учениц, кто в младших классах не проявлял способностей к теоретическим знаниям, переводились в практические школы: сельскохозяйственные и ремесленные. В младших классах практиковались будущие учительницы (Свято-Богородицкий Леснинский монастырь 1973: 31–32).

Даже само здание школы, вмещавшее в себя множество классов, библиотек, специальных кабинетов, спален, умывален, помещений для малышей, – всё было подчинено общей и единой задаче обучения (Свято-Богородицкий Леснинский монастырь 1973: 34). И дети, и учителя, и выпускники – все должны были быть миссионерами. Дети имели возможность в летнее время побывать у себя дома и там рассказать о жизни в обители. Выпускницы или

устраивались учительницами, или отправлялись домой, заводили семью, занимались хозяйством. Но все они распространяли свет просвещения среди своих односельчан.

Кроме учебных и сельскохозяйственных дел (полеводство, огородничество, садоводство и пчеловодство), сестры, после обязательного утреннего богослужения, занимались и другими послушаниями. Немало было тех, кто занимался с необразованными сестрами грамотой и Законом Божиим. В обители было развито иконописание – «для распространения в народе православного стиля взамен икон западного письма» (Положение Православия 1901: 190), переплетное дело, для ризницы шились облачения, для детей и сестер – одежда, изготавливались кожаные монашеские пояса, было развито ткачество, прядение, вязание, изготовление ковров (Памятка 1904: 2).

Группа учительниц церковно-приходских школ Холмско-Варшавской епархии на курсах в Леснинском монастыре. 1903 г.

Монашеский контингент обители складывался постепенно, большей частью из числа тех, кого игуменья находила во время поездок в Санкт-Петербург или другие места. Критерий выбора был строгим: новая сестра должна была иметь педагогическое образование, желание самоотверженно выполнять свой труд и нести монашеское послушание. Предполагались и определенные личност-

Настоятельница Екатерина с духовенством Леснинского монастыря

ные качества: умение организовывать детей, быть строгой, дисциплинированной, жертвенной. И не всегда заявленный настоятельницей идеал совпадал с действительностью. Вот, например, как складывались отношения с Евгенией Степановной Громеко, дочь Седлецкого губернатора. Е. С. Громеко – будущая игуменья Афанасия, пришла в Леснинский монастырь, чтобы поработать некоторое

время педагогом, поскольку ее мать когда-то дала обет: если ее слабая здоровьем дочь Евгения выживет, то позже она отдаст ее на год в монастырь. Но монашеская жизнь увлекла молодую девушку, окончившую к этому времени Высшие женские курсы в Петербурге, и она захотела остаться. Одна из свидетельниц тех событий сообщает: «Игуменья Екатерина сначала очень полюбила молодую учительницу и приблизила к себе, но затем охладела к ней и отдала не только от себя, но и от школы, находя, что Евгения имеет на детей нежелательное влияние, портит их. Про Евгению Степановну стали говорить, что она в своих мягких ватных ручках умеет держать только чашку да иногда перо» (*Монахиня Елена (Добровольская)* 2005: 21). После пострига монашине Афанасии было предложено возглавить новую – Радочницкую – общину, а потом и монастырь. Сама игуменья Афанасия называла свое назначение «почетной ссылкой», потому что она перестала разделять некоторые педагогические приемы игуменьи Екатерины и им стало сложно общаться. Конечно,

можно понимать эту ситуацию и по-другому: конфликт послужил во благо общему делу, и из монахини Афанасии вышла позже хорошая игуменья. Ее душевность и мягкость, иначе – природная доброта, в контексте монашеского делания стала добродетелью подлинного, глубокого смирения, и на этой основе она выстраивала в Радочнице свой монастырь. Там были те же школы и приюты, множество детских праздников, те же любимые народом престольные праздники, собирающие многие тысячи верующих со всей Холмщины. Но было и свое, идущее от личности игуменьи, от ее специфики управления монастырем, ее особенностей погашать конфликты. То, что игуменья Афанасия шла более трудным для начальствующего лица путем, совершенно очевидно, но этот путь приносил и свои плюсы, неведомые на пути игуменьи Екатерины.

Число сестер в монастыре дошло к 1912 г. почти до 300 человек (30 монахинь и 269 послушниц) и за предшествующее десятилетие быстро менялось: 1904 г. – 17 монахинь и 72 послушницы;

Группа воспитанниц Леснинского монастыря с игуменьей Екатериной и педагогами

Группа воспитанниц Леснинского монастыря

1905 г. – 19 монахинь и 189 послушниц; 1907 г. – 21 монахиня и 198 послушниц; 1908 г. – 19 монахинь и 225 послушниц; 1909 г. – 26 монахинь и 242 послушницы; 1910 г. – 28 монахинь и 256 послушниц; 1911 г. – 30 монахинь и 273 послушницы; 1912 г. – 30 монахинь и 269 послушниц (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1024. Л. 12, 22 об., 39 об., 44, 75, 99, 101, 121). За восемь лет с 1904 по 1912 г. число послушниц выросло на 197 человек, то есть в среднем на 24 человека в год. Кроме монахинь и белиц (послушниц) в монастыре трудилось около 100 человек служащего персонала.

Обитатели Леснинского монастыря видели себя не только активной церковной силой – миссионерским монастырем, но именно субъектом, ответственным за народ Божий на Холмщине, и может быть даже шире – за весь народ, нуждающийся здесь в помощи и участии. Митрополит Евлогий приводит удивительный пример народного посещения православными холмчанами государя императора в Петербурге в 1905 г. Делегация состо-

яла из епископа Евлогия, игуменьи Екатерины и нескольких крестьян. Просьба была помочь в сложной ситуации, в которой оказались православные, теснимые агрессивными действиями католических сил Холмщины. Встречу смогла организовать игуменья Екатерина. Но в дворцовом ведомстве крестьянам запретили идти к императору. Епископ и игуменья не знали, как объяснить, что во дворце не хотят принимать крестьян. Однако уже на приеме выяснилось, что решение о запрете поступало не от императора, а от охранных структур. Когда игуменья упомянула, что с ними прибыли крестьяне, то государь сразу же потребовал, чтобы их

впустили. Крестьяне не знали, как их встретит царь (а была Пятидесятница), потому что министр внутренних дел Булыгин до того принял их неласково. На восклицание «Христос воскрес» он промолчал. Поприветствовав государя теми же словами, крестьяне услышали в ответ: «Воистину воскрес, братцы!». «Что сделалось с нашими делегатами! – пишет митрополит Евлогий. – Они бросились к ногам Царя, целуют их, наперебой что-то лепечут. Не знают, как свою радость и выразить... “Мы думали, ты в католичество перешел... мы не знали... нас обманывали”» (Митрополит Евлогий (Георгиевский) 1994: 146). Народные представители и приехали узнать, правду ли говорят поляки, что царь перешел в католичество после манифеста 1905 г. Леснинский монастырь, как замечал митрополит Евлогий, наряду с другими новыми обителями, стал «духовным центром народной жизни».

Кроме крестьян-богомольцев, собиравшихся со всего «Привислянского края», в Лесну шли организованные крестные ходы от различных цер-

Монахини и послушницы Леснинского монастыря с настоятельницей Екатериной и священником

ковно-приходских школ. Собирались и народные приходские хоры, всю ночь перед праздником проводившие в песнопениях на поле перед монастырем. Звучали духовные канты из «Богогласника», прославляющие Христа, Божию Матерь и святых. «Таких хоров было не меньше двадцати. Особенно хорошо пели крестьяне с. Курешова Бельского у. (четверо юношей и три девушки). С зажженными свечами в руках, вставши полукругом возле стены храма, часто осеняя себя крестным знаменем, всю ночь они пели, с небольшими перерывами на отдых» (Свято-Богородицкий Леснинский монастырь 1973: 42).

В пользу высокой и эффективной организации Леснинской обители говорит и тот факт, что монастырь в годы Первой мировой войны и эвакуации в Санкт-Петербург сумел и сохраниться, и сохранить детей, и не растерять сестер, и, единственный в своем роде, переместиться за границу (Румыния, Сербия, Франция) и там наладить деятельную монастырскую жизнь, также воспитывая детей-сирот и оказывая миссионерскую, милосердную помощь окружающему населению.

Радочницкий преподобного Антония Печерского монастырь Люблинской губернии Замостского уезда

Монастырь возник по инициативе игуменьи Екатерины в с. Радочнице в пяти верстах от станции Радочница на месте католического монастыря в честь Антония Падуанского, а после него – владения Холмского архиерейского дома. Православное когда-то население округа за двести лет католического владычества приняло латинскую веру, и потому задачей нового женского монастыря было отстаивание православия и возвращение русского населения к утерянной вере.

Поначалу из Леснинского монастыря сюда в 1899 г. прибыли настоятельница монахиня Афанасия (Громеко), две монахини – Феодора и Доминика и шесть учениц старших классов (Монахиня Елена (Добровольская) 2005: 22). Игуменья Афанасия, в миру Евгения Степановна Громеко, дочь тайного советника,

Хор постоянных певчих с регентом инокиней Надеждой

Чудотворный образ Божией Матери Холмской

Седлецкого губернатора, родилась в Петербурге 2/15 декабря 1864 г. (Монахиня Елена (Добровольская) 2005: 19). Окончила полный курс в Варшавской первой женской гимназии, продолжила образование в Санкт-Петербурге, окончив педагогические курсы с дипломом «домашней наставницы». Поначалу была в числе наиболее близких игуменье Екатерине сестер обители (1886–1893 гг.) и была назначена старшей учительницей в монастырской школе (1895–1897 гг.). В 1897 г., с образованием Радочницкой общины, она была назначена ее начальницей. В 1901 г. община стала монастырем, а монахиня Афанасия – игуменьею новой обители (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д.1024. Л. 4).

Радочницкий монастырь был призван заниматься тем же, чем занимался на Холмщине Леснинский монастырь – миссионерской деятельностью через школьное дело и благотворительность. И монахиня Афанасия сразу включилась в эту работу, не имея поначалу даже достаточного количества сестер и материальных средств. Число монахинь здесь росло медленно: в 1904 г. их было 17 и 72

послушницы, в 1912 г. 4 монахини и 112 послушниц (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д.1024. Л. 12, 123).

Монастырю не удалось развернуть свою деятельность так же широко, как в Леснинском монастыре, но в целом монастырь двигался в том же направлении. Здесь также была создана двухклассная школа с учительскими курсами, как завершение всего цикла школьного образования, для создания собственных кадров педагогов. Монастырь сумел, как и Леснинский, открыть новую – Турковицкую – обитель. В покоем на Лесну ключе многоэтапно осуществлялось школьное дело.

В 1908 г. обитель получала от государства 6840 руб. в год. При этом в 1908 г. здесь обучалось и воспитывалось 144 учащихся, в приюте находилось 15 детей (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д.1024. Л. 46). С 1912 г. монастырю на шесть лет стала выделяться ежегодная сумма в 16 тыс. руб., но она не покрывала расходов в 33 тыс. руб. (Радочницкий женский монастырь: 23). Школ было несколько: второклассная школа, а при ней: образцовая школа для младших, учительские курсы и школа садоводства (Монахиня Елена (Добровольская) 2005: 22). Первое здание школы садоводства сгорело в 1910 г., взамен отстраивалось новое каменное, но монастырь так и не успел им воспользоваться до 1914 г. Школа располагалась в одном здании – трехэтажном, «большом, светлом, с большими открытыми террасами, обращенными на юг» (Радочницкий женский монастырь: 16). Была своя кухня, пекарня, прачечная, сапожная, ткацкая

Новая каменная школа в Радочнице

(вырабатывалась материя на сарафаны и платица девочкам). Существовало свое иконописное дело, золотошвейная и рукодельная мастерские. Здесь

не хватало учительских кадров, и игуменье Афанасии постоянно приходилось заниматься поисками «образованных, преданных делу учительниц», но проблема не решалась. Вопрос о педагогах был действительно наиважнейший, поскольку только высокообразованные (в том числе педагогически) сестры (а не только духовно опытные и преданные своему делу) могли решать крупные и масштабные задачи. Игуменья Афанасия смогла найти таковых, лишь находясь в Петрограде, где монахини и воспитанницы переживали военное лихолетье и годы революции. Но после появления «высокообразованных», у остальных сестер появилась ревность: «матушкино особенное отношение к новоначальным посчитали несколько обидным для себя, уподобившись старшему сыну евангельской притчи и нанятым на работу в первый час» (*Монахиня Елена (Добровольская)* 2005: 27).

В Радочницкой школе обучали бесплатно, на монашеском иждивении, училось 300 детей. Ежегодно выпускалось 15–20 учительниц для церковно-приходских школ Холмской и Люблинской губерний, для уездов Белгорайского, Замосткайского, Томашовского и Холмского (Радочницкий женский монастырь: 46). В школе учились православные и католики. Рядом со школой был разбит большой палисадник, обсаженный по периметру серебристыми тополями. Помещение школы за счет больших окон, ориентации классов на юг, чистоты и порядка должно было радовать детей, вызывать у них положительные эмоции, желание учиться. В актовом зале школы находился большой, в рост портрет государя Николая II, всегда украшенный свежими цветами.

К образцовым заведениям монастыря относилась и больница. Сначала – маленькая деревянная, состоящая из четырех комнат с аптекой, потом каменная, построенная в 1913 г. Ежегодно больница принимала от 7 до 15 тысяч посетителей, в том числе католиков. В стационаре было 12 кроватей для монастырских сестер и 50 – для мирских лиц. Настоятельница разрешала ксёндзам приезжать и причащать больных католиков, лежащих в больнице. У входа в больницу его встречали две монахини с горящими свечами и вели к причастнику. Также больничные сестры, по благословению игуменьи, могли посещать больных в радиусе 15–20 верст от монастыря (Радочницкий женский монастырь: 50–51).

Очевидно, по этой причине (отсутствие необходимого числа высокообразованных кадров) игуменье Афанасии приходилось не только ограничивать размах образовательной деятельности, но и в целом решать более скромные, чем Леснинский монастырь, миссионерские задачи. Но в Радочницком монастыре была своя особая воспитательная атмосфера, которая образовалась благодаря особому вниманию игуменьи к художественной литературе и театру. «Все, начиная со взрослых воспитанниц учительской школы и кончая приютскими малолетками, участвовали в публичных выступлениях. Для маленьких ставили спектакли: “Новый год”, “Свадьба Весны и Солнца”, “Березкины именины”, “Среди цветов”; устраивалась живая елка с декламацией и пением. Для старших организовывали литературные вечера, всегда объединенные какой-либо идеей, посвященные определенному событию или писателю, например Пушкину, Гоголю, Лермонтову и др. Устраивались вечера на богословские темы: “Василий Великий”, “Иконоборчество”... Всё иллюстрировалось туманными картинками. Особенное внимание обращалось на выразительное чтение» (Радочницкий женский монастырь: 25–26).

Также здесь практиковались общенародные торжества в дни монастырских праздников – дни памяти преподобного Антония Печерского, 1 июня и 10 июля. Как и в Лесне, собиралось множество крестьян (10–15 тысяч) из Холмской и Люблинской губерний и частично из Волынской и Гродненской; была архиерейская служба, было несколько десятков священников, самые талантливые произносили яркие проповеди; народ же накануне Божественной

Всенародное торжество на память прп. Антония Печерского.
Освящение воды

литургии, всю ночь под открытым небом читал акафисты, пел канты в роще, украшенной разноцветными фонариками. Монастырская инфраструктура здесь была устроена не так, как в Леснинском монастыре, но с той же ориентацией на паломников. Например, в западной части монастыря, где росла прекрасная буковая роща, находилось несколько часовен с освященными престолами. Сюда в дни праздников любили приходить паломники и молиться за литургией, участвовать в молебнах и панихидах. Ранняя литургия на праздник преподобного Антония проходила за рощей, в храме «на воде» – «Живоносного источника», построенного возле святого источника (родникового пруда) на дубовых сваях. Вода здесь считалась святой и целебной, даже растительность пруда отличалась красивыми формами. Молебен здесь совершался не сразу после ранней литургии, а когда в соборе заканчивалась поздняя обедня и весь народ, во главе с архиереем, «со славой» двигался опять к храму Живоносного источника. После архиерейского молебна народ начинал черпать в принесенную посуду освященную воду, умываться, а некоторые даже погружались в воду (Радочницкий женский монастырь: 41). Но и этим еще не заканчивался день торжества: по всем многочисленным часовням произносились яркие проповеди. Только к трем часам пополудни народ начинал расходиться и разъезжаться по домам.

Кроме часовни-храма «Живоносный источник» возле буковой рощи и за ней находилось еще несколько часовен: 1) Успенская, посреди рощи; 2) Леонтьевская, рядом со школой; 3) Магдалинская, в глубине рощи; 4) во имя Михаила Архангела; 5) Благовещения. Каждая из часовен имела свои про-

Храм «Живоносного источника» в Радочницкой обители

Образ Божией Матери «Скорбящей». Один из почитаемых в Радочницком монастыре. Находился в трапезном храме

светильские и церковные задачи. Порядок утренних богослужений был таков: после литургии и молебна в часовне «Живоносного источника» начиналась служба в Успенском храме; далее – в Леонтьевском, Магдалинском, после чего уже поздняя литургия – в центральном соборе монастыря. Часовня во имя св. Марии Магдалины отличалась художественным оформлением; все в ней было подчинено идее страдания Спасителя на кресте, Голгофе. Сама часовня – «прозрачная, стеклянная, воздушная, удивительно прелестная» – внутри имела много росписей, а также здесь находилось помещение, напоминающее пещеру, где на мраморном столе было изображено тело Христово, положенное во гроб. Тут же на стене – васнецовское Распятие, с предстоящими. Именно эту часовню избрали местные католики для молитв.

Здесь же в буковой роще находился памятник Александру II, поставленный на средства местных крестьян, причем не только право-

славного исповедания. Памятник находился среди обилия цветов и зелени. В праздник преподобного Антония здесь останавливался крестный ход, шедший из собора в церковь «Живоносного источника», и пелась вечная память царю-освободителю. В 1911 г., на 50-летнюю годовщину освобождения крестьян от крепостного права, возле памятника состоялось торжество, на которое собрались и православные, и католики. Автор очерка о монастыре подчеркнул, что «польские крестьяне Люблинской и Холмской губерний отличаются глубокой и искренней преданностью русскому монарху, освободившему их от панщины, давшему им земли и сервитуты» (Радочницкий женский монастырь: 43).

Как и у Леснинской обители, здесь постепенно установились самые благоприятные отношения с местным населением, лишь небольшая часть которого являлась православным. Монастырь давал работу большому числу крестьян вне зависимости от их веры: «строительные работы не прекращаются и хорошо оплачиваются, благосостояние населения поднялось» (Радочницкий женский монастырь: 21). Никаких тяжб и споров с крестьянами у монастыря не было, даже ксёндзы не раз обращались в обитель за медицинской помощью, бесплатной для всех приходящих. Крестьяне-католики постоянно шли сюда, чтобы испросить самых разных советов, а иногда помощи. Земли в Радочнице было только 14 десятин, основная часть которых использовалась под фруктовый сад – один из источников доходов монастыря. Подаренная государством дача в Белго-райском уезде никак не использовалась из-за отдаленности.

В статье С. Дмитрука упоминается еще, что «до начала Первой мировой войны они (сестры монастыря. – О. К.) организовали ткацкую фабрику, иконописную мастерскую, маслобойню и мастерскую, где изготавливались иконостасы» (Дмитрук 2012: 111–124)⁴.

Как и Леснинская обитель, этот монастырь столкнулся с активным противодействием со стороны поляков-католиков и ксёндзов. Как отмечала сама игуменья Афанасия, манифест 17 октября 1905 г. вызвал с этой стороны бурю произвола в отношении православных: открытая пропаганда, насилие, клевета, обман – всё использовалось католиками, чтобы подавить активные очаги православия.

Вместе с Первой мировой войной закончилось время мирного существования обители; она была эвакуирована в Петроградскую губернию (станция Удельная), потом на всех обрушились годы революции и преследований верующих. Монастырь сначала упразднили обновленцы-живоцерковники, а позже – разогнали сестер. Игуменья Афанасия была арестована и отправлена в ссылку в Казахстан (се-

ление Пресновка), где, очевидно, и окончила свои дни (Дмитрук 2012: 36). Важно отметить, что на петроградское подворье Радочницкого монастыря на станции Удельная под Петроградом была привезена в годы Первой мировой войны главная святыня Холмщины – Холмская икона Божьей Матери, находившаяся до войны в соборе г. Холма; затем эвакуированная в Яблочинский мужской монастырь, оттуда – в Минский женский Преображенский монастырь, а из него – в Петроград (Радочницкий женский монастырь: 7). Перед великой святыней сестрами обители днем и ночью непрерывно читался акафист.

*Теолинский Спасо-Преображенский монастырь
Сувальской губернии Августовского уезда Варшавской епархии*

Монастырь был основан в 26 верстах от г. Гродно по инициативе леснинской игуменьи Екатерины, сначала как община (в октябре 1894 г.), а позже – как общежительный монастырь (1898 г.). На строительство новой обители из Леснинского монастыря сюда была направлена благочинная рясофорная монахиня Людмила (в миру Мария Евграфовна Лобанова, 1856 г.р.). По происхождению – из дворянской, военной среды, получила домашнее образование, затем в 14 лет поступила в Виленский Мариинский монастырь Литовской епархии и пребывала там до 1888 г. Затем перевелась в Леснинский монастырь, где очень скоро получила ответственную должность ризничей (с 1890 по 1892), а потом – благочинной. С 1898 г. стала игуменьею Теолинской обители. Монастырю постепенно удалось собрать необходимое по штату число монахинь – главных организаторов и исполнителей учебной и благотворительной деятельности. Только к 1910 г. штат их стал соответствовать норме. При этом послушниц было также немного – 77 человек.

Монастырь имел четыре каменных храма и одну каменную часовню. Сразу при основании в общине открыли школу для воспитания и образования девочек, больницу для бесплатной врачебной помощи местному населению. За богослужением пел прекрасный сестринский хор, и «крестьяне окрестных сел (униаты) стали мало-помалу ходить на богослужения» (Обзор 1901: 191).

Как и Леснинский монастырь, Теолинский имел от казны ежегодную сумму в 6 тысяч руб., а также единовременные выплаты, на конкретные нужды. Например, в 1911 г. была выдана сумма в 1600 руб. В монастырской школе в 1911 г. обучалось 103 девочки, в 1913 г. – 145. В другой – смешанной школе насчитывался 31 ученик. В монастыре имелись также: больница на 10 монахинь и 18 мирян; богадельня на 12 женщин; приют на 115 девочек (в 1911 г.). Сестры

обители сами обрабатывали землю: и пахотную, и огородную. Всего было 552 десятины пахотной земли, 127 десятин сенокосной, 248 десятин лесной и 137 десятин негодной. Часть земли (375 десятин) сдавалась в аренду (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 966. Л. 5–20).

За год до войны в монастыре появилась новая настоятельница игуменья Таисия (в миру Мария Викторовна Торчило, 1857 г.р.), воспитанница Теолинского монастыря. Дочь надворного советника, она окончила в Москве Николаевский институт, после чего с 28 июля 1899 г. стала послушницей в Теолине. Почти сразу после поступления стала исполнять обязанности казначея.

Вировский Спасский монастырь

Возник по инициативе Леснинской игуменьи Екатерины как новая община, ставшая потом общежительным монастырем. Возглавила общину леснинская монахиня Анна (в миру Анна Александровна Потто, 1865–1903), из военно-служилой дворянской семьи. Окончила Варшавскую гимназию и трудилась воспитательницей в училище, потом в гимназии. С 1889 г. – послушница Леснинской обители. Послушания: клирос и работа в канцелярии. В 1894 г. была послана по инициативе игуменьи Екатерины с десятью сестрами обители в с. Виров Холмской епархии для образования общины и поддержания православия в округе. Епископ Евлогий отмечал подвижнический характер деятельности новой настоятельницы, неподъемные для здоровья «аскетические и молитвенные подвиги», что было для всех сестер и окружающих настоящим христианским примером. Здесь сразу же были открыты школа, богадельня и приют. Сестры обители старались все отдавать детям: «иногда приходилось монастырю и голодать, лишь бы не сокращать довольствия в монастырской богадельне, школе и приюте» (*Митрополит Евлогий (Георгиевский)* 1994: 134). Игуменья Анна умерла в 37 лет от туберкулеза, успев заложить крепкую основу для развития монастыря. Короткое время после кончины игуменьи Анны монастырь возглавляла игуменья София (княгиня Шаховская), а после нее – игуменья Сусанна (София Ивановна Мельникова, 1866 г.р.), обучавшаяся в Московской Коломенской гимназии, дочь потомственного почетного гражданина. Первоначально попала в Леснинский монастырь, там была пострижена в 1899 г., с 1893 по 1899 г. исполняла обязанности казначея; отличалась «высокой духовной жизнью и опытом» (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1024. Л. 27).

На момент кончины игуменьи Анны (Потто) в обители уже было 17 монахинь и 170 послушниц – почти вдовое больше, чем в других холмских обителях. Постепенно ситуация поменялась. Например, в

1912 г. в обители было уже 145 монахинь и только 50 послушниц (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1024. Л. 127). Необходимость в квалифицированных кадрах заставила увеличить контингент монахинь. К 1908 г. обитель имела четыре каменных храма и одну деревянную часовню. На особые – миссионерско-просветительские – нужды государством выделялось 33 233 руб. в год. Через некоторое время после основания общины сестрам было передано 922 десятины земли (настоятельница ездила для этого в Санкт-Петербург, где встречалась с императором) для обработки и для возможности принимать многочисленных паломников и богомольцев (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1024. Л. 27). На первом этапе существования община получила денежную помощь от императора Николая II, о. Иоанна Кронштадтского и других благодетелей (*Богодзяж* 2010: 533).

В школе воспитывалось и обучалось 130 мальчиков и 165 девочек. Бесплатная больница позволяла иметь стационар на 50 коек и приемную, которую посещало до 16 тыс. человек в год. В богадельне находил приют 51 человек. Кроме того, монастырь обеспечивал бесплатными обедами богомольцев, приходивших на праздники (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1024. Л. 58).

В 1912 г. игуменью Сусанну перевели в Кострому, очевидно, с целью укрепления Костромской обители, накануне торжеств 300-летия Дома Романовых, поскольку Кострома входила в план посещения царствующими особами. Настоятельницей в Вирове с 1 февраля 1912 г. стала игуменья Амвросия (Мария Ивановна Дроздова), 36 лет, дочь псаломщика, постриженница Красностоцкой обители. Она обучалась в Московском женском духовном училище, после чего поступила в Троицкий монастырь Калужской епархии, откуда в 1900 г. перешла в Гродненский Красностоцкий монастырь, где проходила послушание учительницы. Получила должность старшей учительницы (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1024. Л. 108).

События 1914 г. коснулись и Вировской обители; в 1915 г. она была эвакуирована «в глубь России и расформирована», монахини частично попали в Петроградскую епархию, частично в другие места (*Богодзяж* 2010: 533).

Турковицкий Покровский общежительный монастырь Люблинской губернии Грубешовского уезда в пос. Тышовец

Поначалу, по инициативе игуменьи Радочницкого монастыря Афанасии, возникла община на месте старого закрытого униатского монастыря. Она просуществовала с 4 сентября 1902 по 1911 г.; в 1912 г. была переименована в первоклассный Турковицкий монастырь. Главной святыней монастыря была

чудотворная икона Турковицкой Божией Матери (Дмитрук 2012: 121).

Начальницей общины и ее первой строительницей была (до 1907 г.) монахиня Евгения, прибывшая сюда из Радочницкого монастыря (Дмитрук 2012: 122). Ее сменила монахиня Магдалина (в миру Мария Дмитриевна Горчакова, 1865 г. р.), ставшая позже первой настоятельницей и игуменьей обители. Родом из потомственных дворян, игуменья Магдалина обучалась в VI Московской гимназии. Как отмечал в мемуарах владыка Евлогий, свой первый педагогический опыт матушка Магдалина получила в Москве, во французском пансионе, где преподавала польским аристократкам, используя новейшие методы педагогики (Митрополит Евлогий (Георгиевский) 1994: 144). Попала в Радочницкий монастырь в сорокалетнем возрасте. Со слов владыки Евлогия (Георгиевского), она была «образцовой монахиней», «духовно одаренной», благотворно влияющей на других.

К моменту открытия монастыря (1912 г.) в нем находилось две монахини и 83 послушницы. Монастырская школа обучала 33 мальчиков и 79 девочек. Работали небольшая богадельня на шесть человек, больница, которую за год посещало более 3 тыс. человек мирян. Оказывалась помощь богомольцам и паломникам (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1024. Л. 125). Есть данные о существовании в монастыре женской педагогической семинарии и сельскохозяйственной школы (Дмитрук 2012: 123).

На территории монастыря имелись деревянная церковь Покрова Пресвятой Богородицы, 6 деревянных домов, один кирпичный с домовым храмом в честь свв. Сергия и Германа Валаамских (Дмитрук 2012: 123).

Судьба монастыря завершилась, как и у всех новых западных обителей: эвакуация в годы Первой мировой войны в Москву и затем – трагические годы революции, что уже не позволило вернуться на старое место и сохранить монастырь.

Красностокский Рождества Богородицы монастырь Гродненской епархии Сокольского уезда

Возникновение этой крупнейшей обители относится к 1901 г. и связано с ходатайством Гродненского епископа Иоакима в Синод (Еленев 1867: 950–959). Монастырь находился в стороне от других четырех обителей Холмской епархии и принадлежал

Гродненской епархии⁵. Строго говоря, монастырь появился в Гродно в 1843 г. на базе прежнего католического монастыря, но только после перенесения его в 1901 г. в Красносток он приобрел новый формат деятельности. Создавался он уже с учетом опыта холмских монастырей и с учетом накопленного потенциала. Если игуменья Екатерина начинала созидание Леснинской обители в сообществе трех послушниц, то сюда сразу приехало 38 человек (Красностокский женский монастырь 1911: 51). Учитывая опыт холмских монастырей и их миссионерско-просветительское значение, для создания этой обители (в одно время с еще одной – Березвечской Литовской епархии) Святейший Синод разрешил 6 января 1902 г. по всем церквам Российской империи провести единовременный сбор пожертвований на устройство Красностокской и Березвечской обителей. Кроме того, Синод выделил 25 тыс. руб. на первоначальное устройство монастыря (Березвечи и Красносток 1901: 5). Позже ежегодная выплата из казны составляла 9700 руб., что не могло покрыть 100-тысячных затрат монастыря.

Вид на Красностокский монастырь

Открытие монастыря стало подлинным праздником для всей округи; собралось 20 тысяч богомольцев, в монастырь пришло несколько крестных ходов. Пять часов продолжалась всенощная, потом была ночь, наполненная народными песнопениями (по Богогласнику), а рано утром – Божественная литургия. Таким образом, сразу была обозначена традиция «народного монастыря», во всех смыслах этого слова.

Строительницей монастыря стала леснинская монахиня Елена (в миру Ольга Коновалова, 1867 г. р.), жительница Москвы, из семьи почетного гражда-

нина (*Sosna, Troc-Sosna* 2003: 69). Владыка Евлогий характеризовал ее как «большую ревнительницу духовной жизни», нередко обращавшуюся к епархиальному архиерею за советом. Он отмечал «ее необыкновенную духовную одаренность», ее большое влияние на окружающих.

Постепенно в новой обители была выстроена вся необходимая для всесторонней социальной деятельности инфраструктура: храмы, четыре школы: 1) на 100 человек; 2) образцовая двухклассная школа на 150 человек; 3) школа грамоты на 106 учеников; 4) школа при больнице на 125 учащихся. Также в монастыре имелись: больница (на 30 кроватей), амбулатория, приют для малолетних (на 30 человек); еще один приют в г. Гродно для престарелых. На свои средства монастырь сумел открыть несколько школ в окрестных селениях. Красностокский монастырь еще в большей степени, чем Леснинский, погрузился в материальную жизнь окружающего народа и через хозяйственные и культурные контакты устанавливал теснейшую связь с местным населением. Монастырь обучал крестьян передовым способам ведения сельского хозяйства. Четырехгодичные сельскохозяйственные курсы вели сорок послушниц-инструкторов. Крестьяне могли видеть на примере образцового монастырского хозяйства весь годовой цикл работ. Предлагался опыт разных отраслей сельского хозяйства: зерноводства, садоводства, огородничества, пчеловодства, а по скотоводству велись специальные курсы. Монастырь осуществлял и практическую помощь населению: передавал во временное пользование, на льготных условиях, инвентарь, помогал машинами, снабжал нуждающихся семенами. Заинтересованные в кустарных промыслах могли получать здесь и знания, и поддержку, и рекомендации для устройства на работу. Отдельной сферой было строительство из пустотелого камня, образцового опыта по тем временам (*Красностокский женский монастырь* 1911: 52–53).

Но главным для монастыря было, как и для Леснинской обители, воспитание и образование детей. Таковых здесь насчитывалось (на 1911 г.) 500 человек. Конечно, для всей этой обширной деятельности – сельскохозяйственной, просветительской и образовательной, миссионерской был необходим большой штат монашествующих и послушниц, и потому численность населения обители быстро росла. В 1901 г. – 38 сестер; в 1906 г. – 172 при 200 детях; в 1911 г. – 225 сестер при 500 детях (*Красностокский женский монастырь* 1911: 51). Последние данные на 1916 г. приведены в книге Н. И. Кустова: в приюте находилось 100 детей, в четырех школах училось 245 человек. Монастырь продолжал получать следующие средства на содержание: от Татьянинского

комитета 18 тыс. руб.; от Министерства внутренних дел – 10 тыс. руб.; от Гродненского Софийского братства – 1600 руб. Итого – 29 600 руб. в год (*Кустов* 1917: 82). Стоит заметить, что с подачи монастыря крестьяне (и крестьянки) здесь смогли организовать «Богородицкое братство» – с целью отстаивать православные интересы и защищать православные святыни, а также оказывать целевую материальную помощь монастырю.

Березвечский Рождества Богородицы монастырь Литовской епархии

Монастырь возник рядом с озером Березвечи, в 62 верстах от г. Дисны. Здесь был прежде униатский мужской монастырь, потом православный мужской, закрытый в 1874 г. из-за «упадка». Архиепископ Ювеналий решил открыть на его месте женскую обитель. Было получено разрешение и переданы денежные средства на первоначальное устройство: 10 тыс. руб. на ремонт прежних строений (огромный храм, двухэтажный жилой корпус, хозяйственные помещения) и 20 тыс. руб. на открытие школы (*Кустов* 1917: 12). Число монахинь и послушниц мало изменилось с 1904 по 1914 г.: 1904 г. – 19 монахинь и 114 послушниц; в 1914 г. – 30 монахинь и 127 послушниц (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1024. Л. 10, 72, 83).

Корецкий Воскресенский необижежительный монастырь Волынской епархии

Возник на месте францисканского Троицкого монастыря XVII в. в 1880 г. Тогда же здесь была создана школа-приют для девочек-сирот. В 1909 г. в школе получали образование 63 девочки. Обучение велось особыми наставницами с помощью послушниц. Сироты обучались бесплатно, а семейные платили от 20 до 30 руб. в год (*Всепопданейший отчет* 1886: 250).

Монастырь получал пособие из казны 2296 руб., имел 135 десятин пахотной земли, 13 десятин сенокосной, 113 десятин лесной (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 971. Л. 43).

В монастыре имелось множество святынь: икона Божией Матери «Споручница грешных» и чудотворная плащаница Успения Божией Матери, написанная на кипарисе. В 1896 г. со Святой Горы Афон Свято-Троицкому Корецкому монастырю были переданы иконы Божией Матери «Скоропослушница» и архангела Михаила. Их написал монах Свято-Пантелеимонова монастыря Макарий, уроженец Корца. Через год с Афона привезли икону великомученика Пантелеимона, на которую в обители возложили серебряную ризу. В 1909 г., по прошению игумении Феофании, в Почаевской лавре была изготовлена копия с чудотворной иконы Почаевской.

В том же году Афон пожертвовал Корецкому монастырю икону Божией Матери «Герондисса» («Старица») (Корецкий Свято-Троицкий ставропигиальный женский монастырь).

В предреволюционное время (с 1916 г.) монастырь возглавляла игуменья Михаила. Монастырь сумел пережить все перипетии и лихолетья XX в., сохранившись даже в советское, богоборческое время, и дожил до нашего времени.

Городищенский Рождества Богородицы необщественный монастырь на Волыни

Монастырь возник в 1858 г. на месте закрытой католической обители. В начале XX в. под влиянием деятельности холмских монастырей здесь также начинается активная школьная работа; открывается двухклассная школа грамоты для сирот, которую посещали 20 учениц. Существовал приют на 20 человек (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 971. Л. 43). Обучение для сирот было бесплатным, для семейных – 20–30 руб. в год. Профессиональные наставницы обучали детей вместе с послушницами монастыря. Также открылось училище (Кузьмин 2011: 138–139). Имелась больница для монахинь (на несколько десятков человек) и, очевидно, для мирян.

Монастырь имел от казны годовую субсидию в 1570 руб.; 47 десятин пахотной земли, 23 десятины сенокосной и 113 десятин леса. Вся пахотная и сенокосная земля обрабатывалась самостоятельно. Число насельниц колебалось в известных пределах: в 1904 г. – 33 монахини и 153 послушницы; в 1914 г. – 50 монахинь и 167 послушниц (РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 971. Л. 10, 72). С 1907 г. и до революции монастырем руководила игуменья Леонида. В годы войны монастырь не вывозился в глубь России, закрыт был после революции в 1923 г.

Пюхтицкий Успенский в Везенбергском уезде Эстляндской губернии

Монастырь возник сначала как община (1890–1891 гг.). Целью ее, по мысли учредительницы княгини Шаховской, было «соединение подвигов христианской иноческой жизни с воспитанием сирот и врачебной помощью недугующим, а через это укрепление в местном православном населении любви к Православной Церкви» (Обзор 1901: 162). Монастырь обязан своим возникновением многим выдающимся людям государства и Церкви. Первым духовным опекуном и благодетелем его стал о. Иоанн Кронштадтский (Пюхтицкая обитель 2009). Государь император Александр III проявил добрую волю, благодаря которой «22 апреля 1891 г. последовало Высочайшее повеление об отчуждении Богородицкой горы из лютеранских рук в собственность Духовного ведомства православного испове-

дания, а по ходатайству Преосвященного Арсения, епископа Рижского и Митавского, Святейший Синод... разрешил учредить в этой местности Пюхтицкую Успенскую женскую общину» (Пюхтицкая обитель 2009: 45). Устройство монашеской жизни было возложено на монахиню Костромского Богоявленского монастыря Варвару (Блохину) – воспитанницу этой обители с детских лет. Выбор был неслучаен, учитывая, что данный монастырь, в лице ее настоятельницы-подвижницы игуменьи Марии (Давыдовой), много внимания уделял социальной и миссионерской деятельности, работе сельских лечебниц и школ для местного населения, за что имел особое благоволение и покровительство от императора Александра III.

В Пюхтицком монастыре действовала церковно-приходская двухклассная школа, в которой обучалось 67 детей обоего пола. В лечебнице принимали до 2 тыс. больных в год. Лекарства в амбулатории отпускались по дешевой цене – 20 коп. Монастырский врач выезжал и к тяжелым больным. В монастырском приюте воспитывалось 20 девочек-эстонков, сирот, которые, кроме школьного обучения, могли посещать уроки домоводства и рукоделия. Как отмечается в отчете Святейшего Синода, «деятельность Пюхтицкой обители преобразила этот глухой уголок до неузнаваемости. Внося свет грамотности и практических знаний, врачую тело и благотворя материально, обитель оказывает большое влияние и на духовное воспитание окрестного населения... Вообще влияние Пюхтицкого монастыря широко и разносторонне» (Всепопданейший отчет 1905: 98).

Главной святыней обители был чудотворный, явленный образ Успения Божьей Матери, почитаемый не только православными, но и представителями других исповеданий, живущими здесь.

Если сравнить Леснинский и Пюхтицкий монастыри, то можно увидеть, что разница их заключается в специфике цивилизационных задач, решаемых Церковью и государственной властью в польском и эстонском крае. Первая задача была более емкая и важная, даже с точки зрения политической; а с духовной – она включала более широкий круг миссионерских проблем, стоявших перед Леснинским монастырем. По этой причине Лесна сумела распространить свое влияние на более обширный регион; создать более мощный и сложный монастырский организм, решавший масштабные церковные и политические задачи. И тот и другой монастыри с духовной стороны несравнимы; в обоих процветало благочестие, подвижничество, оба были связаны с духовной опекой святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Примечания

¹ В разделе о Леснинском монастыре использованы фотографии М. Ф. Богданова. В разделе о Радочницком монастыре – фотографии из книги: Радочницкий женский монастырь. Пг., б.г., о Красностоцком монастыре – фотографии из книги: *Sosna, Troc-Sosna* 2003.

² В других источниках говорится о пяти послушницах и двух девочек-воспитанницах (см.: *Страткевич* 1900: 16).

³ В 1907 или 1908 г. она подготовит статью «Монастырь и христианский аскетизм».

⁴ К сожалению, приходится отметить, что статья изобилует ошибками; многие фамилии указаны неверно; есть искажения фактов.

⁵ В 1900 г. Гродненская епархия была выделена из Литовской и получила самостоятельность, «что вызвало большой духовный подъем в регионе, выражением чего стало учреждение Красностоцкого женского монастыря».

Источники и материалы

Березвечи и Красносток 1901 – Березвечи и Красносток. Краткий очерк истории Березвечского женского монастыря Литовской епархии и Красностоцкой женской обители Гродненской епархии. СПб., 1901.

Всеподданейший отчет 1886 – Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по Ведомству Православного исповедания за 1884 год. СПб., 1886.

Всеподданейший отчет 1905 – Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по Ведомству Православного исповедания за 1902 год. СПб., 1905.

Всеподданейший отчет 1915 – Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по Ведомству Православного исповедания. СПб., 1915.

Еленев 1867 – *Еленев С.* О Красностоцком монастыре // Литовские епархиальные ведомости. 1867. № 22. С. 950–959.

Касательно учреждений 1870 – Касательно учреждений при женских монастырях воспитательных и благотворительных заведений // Нижегородские епархиальные ведомости. 1870. № 5. С. 115–117.

Корецкий Свято-Троицкий ставропигиальный женский монастырь – Корецкий Свято-Троицкий ставропигиальный женский монастырь // Монастырский вестник. Синодальный отдел по монастырям и монашеству Русской Православной Церкви. <https://monasterium.ru/monastyri/monastery/koretskiy-svyato-troitskiy-stavropigialnyy-zhenskiy-monastyr/>

Красностоцкий женский монастырь 1911 – Красностоцкий женский монастырь // Русский инок. 1911. № 43.

Кустов 1917 – *Кустов Н. И.* Красностоцкий женский монастырь. М., 1917.

Марков 1914 – *Марков В. С.* К истории раскола старообрядчества второй половины XIX столетия. Переписка проф. Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для раскола и отношений к нему правительства (1865–1904) / Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1914.

Митрополит Евлогий (Георгиевский) 1994 – *Митрополит Евлогий (Георгиевский).* Путь моей жизни / Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994.

Монахиня Елена (Добровольская) 2005 – *Монахиня Елена (Добровольская).* «Сей род ищущих Господа...» // Духовный собеседник. 2005. № 2 (42).

Н. К. 1926 – *Н. К.* Светлой памяти игуменьи Екатерины // Путь. 1926. № 4. С. 166–171.

Обзор 1901 – Обзор деятельности ведомства Православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901.

Памятка 1904 – Памятка о Леснинском первоклассном женском Свято-Богородицком монастыре. Варшава: Издание Леснинского монастыря, 1904.

Положение Православия 1901 – Положение Православия в Холмско-Варшавской епархии // Обзор деятельности ведомства Православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901.

Пюхтицкая обитель 2009 – Пюхтицкая обитель и ее покровитель святой праведный Иоанн Кронштадтский: Монастырская летопись. Воспоминания сестер. Святыни обители. Изд. Пюхтицкого Успенского ставропигиального женского монастыря, 2009.

Радочницкий женский монастырь – Радочницкий женский монастырь. Пг., б.г.

РГИА – Российский государственный исторический архив

.Свято-Богородицкий Леснинский монастырь 1973 – Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. Мадрид, 1973.

Страткевич 1900 – Николай Страткевич, протоиерей (сост.) Сказание о Леснинской чудотворной иконе Божией Матери, Ея явлении и чудесах в связи с историей Леснинского первоклассного женского монастыря / Изд. Холмского Свято-Богородицкого братства. Холм, 1900.

Sosna, Troc-Sosna 2003 – O. Grzegorz Sosna, m. Antonina Troc-Sosna. Monografia Żeńskiego Monasteru Narodzenia Przenajświętszej Bogarodzicy Krasnystok – Białystok. Białystok, 2003.

Научная литература

Богодзяж Н. К. Вировский во имя Всемилоственного Спаса женский монастырь // Православная энциклопедия. Электронная версия. Т. 8. С. 533. 18.04.2010 [ВИРОВСКИЙ ВО ИМЯ ВСЕМИЛОСТИВОГО СПАСА ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ \(pravenc.ru\)](http://pravenc.ru)

Дмитрук С. Православные женские монастыри Холмско-Варшавской и Холмской епархий в 1875–1915 гг. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2012. Вып. 2(4). С. 111–124.

Кузьмин А. В. Городищенский в честь Рождества Пресвятой Богородицы мужской монастырь // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 12. С. 138–139.

Пыпин А. Н. История русской этнографии. Минск, 2005.

References

Bogodzyazh, N. K. 2010. Virovskij vo imya Vsemilostivogo Spasa zhenskij monastyr' [Virovsky Convent in the Name of the All-Merciful Savior]. In *Pravoslavnaya ehnciklopediya. Ehlektronnaya versiya* [Orthodox encyclopedia. Electronic version]. Vol. 8, 533. [ВИРОВСКИЙ ВО ИМЯ ВСЕМИЛОСТИВОГО СПАСА ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ \(pravenc.ru\)](http://pravenc.ru)

Dmitruk, S. 2012. Pravoslavnye zhenskie monastyri Kholmско-Varshavskoj i Kholmской eparkhij v 1875–1915 gg. [Orthodox women's monasteries of the Kholmско-Warsaw and Kholmск dioceses in 1875–1915]. *Vestnik Ekaterinburgskoj dukhovnoj seminarii*. 2012. Vyp. 2(4). S. 111–124.

Kuz'min, A. V. 2011. Gorodishchenskij v chest' Rozhdestva Presvyatoj Bogorodicy muzhskoj monastyr' [Gorodishchensky monastery in honor of the Nativity of the Blessed Virgin Mary]. In *Pravoslavnaya ehnciklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 12, 138–139. Moscow.

Pyпин, A. N. 2005. *Istoriya russkoj ehtnografii* [History of Russian ethnography]. Minsk.

SOCIAL EXPERIENCE OF WOMEN'S MONASTERIES IN THE WESTERN REGION OF THE RUSSIAN EMPIRE (EARLY XX CENTURY)

Abstract. Women's monasteries in the Western part of the Russian Empire at the beginning of the 20th century. were an outstanding phenomenon, a bright original phenomenon of church monastic life, a model of Russian Orthodoxy, which had a tremendous impact on the entire life of the region. In the article, for the first time, on the basis of new, mostly archival material, this phenomenon is considered in its integrity and specificity, which consists in the social service of nuns. This service meant the creation of schools, shelters, almshouses, hospitals, economic centers for economic assistance to the local population in convents of various levels. The very education of children had an educational and educational orientation, gave them the opportunity to join the cultural life. The monasteries became centers of Orthodoxy in a vast and complex (ethnically and confessionally) region, fulfilling the mission of Russian Orthodoxy and Russian culture.

Key words: female Orthodox monasticism, western borders of the Russian Empire, social service, schooling, orphanages, almshouses, hospitals, Russian Orthodoxy, Russian culture, housekeeping.

For citation: Kirichenko O. V. 2022. SOCIAL EXPERIENCE OF WOMEN'S MONASTERIES IN THE WESTERN REGION OF THE RUSSIAN EMPIRE (EARLY XX CENTURY). *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)*. 30: 18–42.

